

А. А. Блок

Двенадцать. Скифы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Б70

Блок А.А.
Б70 Двенадцать. Скифы / А. А. Блок – М.: Книга по Требованию, 2021. – 64 с.

ISBN 978-5-458-23934-9

Поэму «Двенадцать» Александр Блок стал писать в начале 1918 г. 29 января произведение было закончено, и в дневнике поэта была сделана запись: «Страшный шум нарастает во мне и вокруг. Сегодня я гений! ». Позже Блок признавался, что первой строчкой из «Двенадцать», пришедшей ему на ум, была «Уж я ножичком полосну », и к самому началу он вернулся несколько позже. Книга снабжена предисловием «Испытание в грозе и буре» Иванова-Разумника, «Запиской о «Двенадцати» А. Блока и рукописными материалами черновых вариантов произведений.

ISBN 978-5-458-23934-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Оттого я и не отряхиваюсь от написанного Фонд^{III},
что оно было писано в соизв. со стихией: нагр
мфр, во франс и поств околканис "Двенадцати"
я не сколько дней ощущала физически, слухом,
большой шум вокруг — шум септэвэй (Фуррефю,
шум от крушения старого мира), Поэтому,
то, что видишь в "Двенадцати" политические сфисы,
или или сдѣлать по чина в политической презид,
или очень сильн кь искусству, или одержимый
большой злобой — будь ~~они~~^{они} враги, или друзья
моих поэтов.

Было я негодной, вѣстят со тѣм, отри-
цавъ всякое отношение к "Двенадцати" к
политикѣ. Правда заключается в том, что
Поэма написана в ту исключительную, и
всегда в ~~телоттческой~~ жизни, короткую ^{пору} ~~дату~~,
когда пронесутся революціонный циклонъ
производитъ бурю во (вотъ моряхъ) природы,
(моряхъ) жизни и искус-
ства; во мрт телоттческой жизни есть

И (такая небольшая заводь, восток Маркизовой луги, IV. ~~изумительная~~), которая называется политикой; и в этом стакане воды тоже происходила тогда буря — легко сказать: говорим объ умиротворении дипломатии, о новой юстиции, о прекращении войны! — моря природы, жизни и искусства разбухивали, брызги встали радугю надъ нами. Я смотрел на радугу, когда писалъ "Двенадцать"; оттого въ поэме ослепилъ камень политики.

По-моему, въ сближеніи и эфире времени. Можеть-быть, всякая политика тамъ уязвима, въ одной капле, въ замутитъ и разложитъ все обаянное; можеть быть, она не убьетъ смысла поэзии; можеть быть, наконецъ — кто знаетъ! — она окажется бродиломъ, благодаря которому "Двенадцать" прогугуритъ когда-нибудь в не наши времена. Самъ я ~~тоскую~~ могу говорить объ эфире только съ ироніею; но — не будемъ ^{сейчасъ} брать ~~эти~~ себя ^{решительного} суда.

1 апреля 1920.

<ЗАПИСКА О “ДВЕНАДЦАТИ”>

С начала 1918 года, приблизительно до конца октябрьской революции (3-7 месяцев?) существовала в Петербурге и Москве свобода печати; т.е., кроме правительственных агитационных листов, были газеты разных направлений и доживали свой век некоторые журналы (не из-за отсутствия мыслей, а из-за разрушения типографского дела, бумажного дела, и т.д.); кроме того, в культурной жизни, в общем уже тогда заметно убывавшей, было одно особое явление: одна из политических партий, пользовавшаяся во время революции поддержкой правительства, уделила место и культуре: сравнительно много места в большой газете, и почти целиком — ежемесячный журнал. Газета выходила месяцев шесть (кроме предшествующего года); журнал на втором номере был придержан и потом — воспрещен.

Небольшая группа писателей, участвовавших в этой газете и в этом журнале, была настроена революционно, что и было причиной терпимости правительства (пока оно относилось терпимо к революции). Большинство других органов печати относилось к этой группе враждебно, почитая ее даже — собранием прихвостней правительства. Сам я участвовал в этой группе, и травля, которую поднимали против нас, мне очень памятна. Было очень мелкое и гнусное, но — было и острое.

Иных из тогдашних врагов уже нет на свете, иные — вне пределов бывшей (и будущей) России; со многими я помирился даже лично; только один до сих пор не подает мне руки.

Недавно я говорил одному из тогдашних врагов, едва ли и теперь простившему мне мою деятельность того времени, что я, хотя и не мог бы написать теперь того, что писал тогда, не отрекаюсь ни в чем от писаний того года. Он отвечал мне, что не мог тогда сочувствовать движению, ибо с самого начала видел, во что оно выльется; меня же понимает постольку, поскольку знает, что я более “отдаюсь” стихии, чем он.

Это совершенно верно: в январе 1918 года я в последний раз отдался стихии не менее слепо, чем в январе 1907, или в марте 1914. Оттого я и не отрекаюсь от написанного тогда, что оно было писано в согласии со стихией: например, во время и после окончания “Двенадцати” я несколько дней ощущал физически, слухом, большой шум вокруг — шум слитный (вероятно, шум от крушения старого мира). Поэтому, те, кто видит в “Двенадцати” политические стихи, или очень слепы к искусству, или сидят по

уши в политической грязи, или одержимы большой злобой — будь они враги, или друзья моей поэмы.

Было бы неправдой, вместе с тем, отрицать всякое отношение “Двенадцати” к политике. Правда заключается в том, что поэма написана в ту исключительную, и всегда короткую, пору, когда пронсящийся революционный циклон производит бурю во всех морях — природы, жизни и искусства; в море человеческой жизни есть и такая небольшая заводь, вроде Маркизовой лужи, которая называется политикой; и в этом стакане воды тоже происходила тогда буря — легко сказать: говорили об уничтожении дипломатии, о новой юстиции, о прекращении войны, тогда уже четырехлетней! — Моря природы, жизни и искусства разбушевались, брызги встали радугою над нами. Я смотрел на радугу, когда писал “Двенадцать”; оттого в поэме осталась капля политики.

Посмотрим, что сделает с этим время. Может быть, всякая политика так грязна, что одна капля ее замутит и разложит все остальное; может быть, она не убьет смысла поэмы; может быть, наконец — кто знает! — она окажется бродилом, благодаря которому “Двенадцать” прочтут когда-нибудь в не наши времена. Сам я теперь могу говорить об этом только с иронией; но — не будем сейчас брать на себя решительного суда.

1 апреля 1920.

Записка о “Двенадцати” Александра Блока (апрель 1920) впервые прозвучала в составе речи Андрея Белого на заседании Вольной Философской Ассоциации, посвященном памяти поэта, в Петрограде 28 августа 1921 года. Опубликована в книге: Памяти Александра Блока. Андрей Белый. Иванов-Разумник. А.З.Штейнберг. Пб, 1922. С. 30 -32. См.: Андрей Белый. О Блоке. Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи. Вступительная статья, составление, подготовка текста и комментарии — А.В.Лавров. М., Автограф, 1997. С. 9 -11, 496 -497, 583; “ЛГ”, 28 ноября 1990, с. 7; РО ИРЛИ (ПД) РАН, ф. 654, оп. 1, ед.хр. 298.

В начале Записки Александр Блок имеет в виду левозэсеровские издания: “Знамя Труда” — ежедневную рабочую газету, выпускавшуюся Петроградским комитетом Партии социалистов-революционеров в 1917-1918 годы, и “Наш Путь” — “литературно-политический Журнал Революционного Социализма” (1918, №№1-2). Оба издания были закрыты большевиками после подавления “мятежа левых эсеров” 6 июля 1918 года. В газете “Знамя Труда” за 1918 год впервые опубликованы поэма “Двенадцать” (3 марта по новому стилю) и стихотворение “Скифы” (20 февраля н.ст.). Эти же произведения Александра Блока были напечатаны в №1 журнала “Наш Путь”.

ДВНАДЦАТЬ

Инварь
1918 года

(гернвиль)

К ИСТОРИИ ИЗДАНИЯ

Когда в начале июня 1918 года под издательской маркой партии левых социалистов-революционеров “Революционный Социализм” книга Александра Блока “Двенадцать. Скифы” была напечатана с предисловием Иванова-Разумника, особенно резким негодованием откликнулась на нее Зинаида Гиппиус. Автор вступительной статьи был назван “фон Зоном” Достоевского — “специалистом по “предисловиям” ко всяким знаменитостям”, который “все присосеживается “на приступ-почку”, только чтобы “и я то же! и я тоже!””. Особый приступ возмущения вызвала позиция Блока: “...никакие извинения и наскоки с пристрастием Разумников, — писала Гиппиус, — меня не трогают: пусть при них и остаются. Но как русский писатель осмеливается выходить к людям под сенью подобных рекомендаций? А если он притом большой писатель, то его неприличный жест сугубо неприличен — он совершенно не нужен, ничем не объясним” (Антон Крайний. Неприличия. — Современное Слово. № 3554. 1918. 16 июня).

Между тем, причины такого издания были очевидны как для его непосредственных участников, так и для посторонних наблюдателей. Впервые поэма “Двенадцать” и стихотворение “Скифы” увидели свет в газете “Знамя Труда” — издании ЦК партии левых социалистов-революционеров, а вскоре на страницах журнала “Наш Путь” — органа “Революционного Социализма” — в сопровождении статьи Иванова-Разумника “Испытание в грозе и буре”. К этому времени поэт-символист Александр Блок был среди тех, кто, назвав себя “скифами”, поверил в стихийную силу революции и за политическими и социальными переменами увидел неизбежное духовное преображение человека.

Центральной фигурой в “скифском” содружестве (авторы двух сборников “Скифы”, вышедших в середине и конце 1917 г., — Андрей Белый, Н. Клюев, С. Есенин, П. Орешин, А. Ремизов, Е. Лундберг и др.) был Разумник Васильевич Иванов (1878-1946). Историк русской общественной мысли, публицист, литературный критик, известный под псевдонимом Иванов-Разумник, он оказался в центре многих культурных и политических событий “начала века”. В 1912-1915 г.г., участвуя в работе издательства “Сирин” (где, собственно, и состоялось знакомство с Блоком), он одновременно руководил литературными отделами неонароднического журнала “Заветы” (1912-1914), а позднее, в 1917-18 г.г. — эсеровских изданий: газет “Дело Народа” и “Знамя Труда”, журнала “Наш Путь”. В течение ряда лет сотрудничая с партийными изданиями социалистов-революционеров и даже входя в их редакционное руководство, Иванов-Разумник, тем не менее, никогда не считал себя членом самих организаций. Отвергая политические ярлыки и неоднократно подчеркивая близость к идеологии народничества, он называл собственные воззрения “духовным максимализмом”.

“Скифов” объединили общие умонастроения: активная антивоенная

позиция, предвидение политической и социальной катастрофы, ощущение символической значимости переживаемого времени, желание откликнуться смыслотворчеством на все вызовы эпохи. “Искания непримиримого и непримиренного духа” русского народа, по Иванову-Разумнику, должны были привести к перерождению “скифа исторического” в “скифа духовного”, что снимало оппозицию “скифа”, вечно противоборствующего с “Всесветным мещанином”, “эллину” (т.е. Западной культуре). В целом “скифство” можно назвать “мироощущением” (отталкиваясь от блоковской оценки символизма: “мысль о символизме... как мироощущении — была близка А.А.Блоку” — Иванов-Разумник. Вершины. Александр Блок. Андрей Белый. Пг., 1923. С. 236), а не идеологической, политической или же эстетической программой.

“Наша “скифская” группа, — говорил позже Иванов-Разумник, — соединилась не на политической платформе, не на этом пути сошлись все мы с А.А.Блоком, и только те, которые именовали всех нас “прихвостнями правительства”, говорили, что мы, дружно работавшие вместе и в газете “Знамя Труда”, и в журнале “Наш Путь”, состоим на иждивении партии левых социалистов-революционеров. Нет, “скифы” — не партийны, но они и не аполитичны. Правда вот в чем: левые эсеры были тогда единственной политической партией, понявшей все глубокое значение культуры вне всякой политики, партией, предоставившей нам экстерриториальность в своих органах (весь “нижний этаж” газеты, весь литературный отдел журнала были в нашем полном распоряжении); эти “политики” поняли, перед каким мировым явлением они стоят, когда впервые читали “Двенадцать” и “Скифов” Блока” (Памяти Александра Блока. Андрей Белый. Иванов-Разумник. А.З.Штейнберг. Пб., 1922. С. 58-59).

История публикации книги “Двенадцать. Скифы” с предисловием Иванова-Разумника восстанавливается по ежедневным записям Александра Блока за апрель-июнь 1918 года (См.: Блок А. Записные книжки. 1901-1920. М., 1965. С. 399-411). 13 апреля вышел № 1 журнала “Наш Путь” за 1918 г., где произведения поэта были напечатаны рядом с критической статьей. В тот же день Иванов-Разумник и Блок получили свои авторские экземпляры в типографии Николаевской военной академии (располагавшейся в Петрограде на Суворовском пр., 326). 14 апреля Блок записал: “Издавать “Двенадцать” и “Скифов” вместе со статьей Иванова-Разумника. Я исследовал ее ночью”.

Работа над брошюрой велась в партийном издательстве левых эсеров при ЦК ПЛСР — “Революционный Социализм”, которое только в первой половине 1918 г. выпустило более 30 наименований книг и брошюр. С середины апреля Иванов-Разумник находился в Москве, где в составе редакционной и издательской комиссий ЦК ПЛСР, вероятно, обсуждал и это совместное начинание. В издательстве “Революционный Социализм” был задуман выпуск

литературно-художественной серии “Рабоче-крестьянская библиотека” под ред. Иванова-Разумника и Е.Г.Лундсберга. По возвращении Иванова-Разумника из Москвы 2 мая Блок записал: “масса рассказов, планов, новых предложений”.

В течение апреля-мая Блок неоднократно бывал на Лиговке, где в доме № 44 (т.н. “доме Перцова”), в кв. 300, располагалась редколлегия журнала “Наш Путь” и одновременно редакция издательства “Революционный Социализм”. 9 мая появилась очередная запись: “Корректурa брошюры с “Двенадцатью” (подписано – печатать 10 000 + 100 авторских)”. Наконец, 3 июня последовал звонок от Иванова-Разумника: “брошюра “Двенадцать” вышла”. Свой экземпляр, сохранившийся в личной библиотеке поэта, Блок подписал 5 июня (23 мая) 1918 г. Еще одна запись две с половиной недели спустя засвидетельствовала его реакцию по поводу фельетона Э.Гиппиус: “яростная и мелкая злоба”.

Действительно, антибольшевистская критика расценила проповедь духовной революции как оправдание настоящего, как “осанну” большевистскому политическому режиму. Но и отношение победителей к “скифству” отозвалось в штампах большевистской критики: “мелкобуржуазная идеология”, “мистическое восприятие революции”, “эсеровщина” и т.п. Пожалуй, наиболее “нейтральная” оценка совместного издания отразилась в статье П.Е.Щеголева, опубликованной в альбоме рисунков Б.Григорьева “Расея”: “современное творчество Блока не созвучно действительности, и художественные восприятия его дряблы и односторонни”, а подобное состояние его поэтического дара объясняется “только недомыслием Иванова-Разумника” (Григорьев Б. Расея. Пг., 1918. С. 18-19). На подобные инвективы Блок иронически отреагировал в дарственной надписи: “Недомыслящему Иванову-Разумнику от дряблого Александра Блока. СПб. 1918” (Иванов-Разумник. Вершины. С. 244).

Оставляя за рамками короткого послесловия идейно-художественные аспекты публикуемых в книге произведений, укажем, что весной 1918 года поэта и критика объединила вера в творческое начало русского народа. Блоковские произведения (“Двенадцать” и “Скифы”) позволили Иванову-Разумнику ответить на вечный вопрос Понтия Пилата о существе истины — новой “благой вестью”: “скифской” миссией России. Для поэта эта провиденциальная статья критика подтверждала собственные мысли о том, что народ — “бессознательный носитель духа музыки”. Однако вскоре, после событий в Москве 6-7 июля — т.н. “мятежа левых эсеров”, вектор революции развернулся совсем в ином направлении. Сиюминутное и вечное разошлись навсегда: политические события влились в трагическую историю России, а книга — осталась “литературным памятником” той короткой эпохи, когда еще была возможна вера в невозможное.

В.Г. Белоус

Тамъ идымъ дѣломъ божіимъ марши —
Погода — вѣдѣннѣ неск,
А б. вѣдѣ нѣск — нѣскѣмъ гнѣннѣмъ;

~~Свѣдѣннѣмъ свѣдѣннѣмъ~~

И свѣдѣннѣмъ свѣдѣннѣмъ свѣдѣннѣмъ,

И б. свѣдѣннѣмъ свѣдѣннѣмъ

А свѣдѣннѣмъ свѣдѣннѣмъ, свѣдѣннѣмъ свѣдѣннѣмъ

Свѣдѣннѣмъ свѣдѣннѣмъ свѣдѣннѣмъ —

~~Свѣдѣннѣмъ свѣдѣннѣмъ свѣдѣннѣмъ~~

~~Свѣдѣннѣмъ свѣдѣннѣмъ свѣдѣннѣмъ~~

Тамъ идымъ дѣломъ

28 июля 1918 (один)

